

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 387–400.

Научная статья

УДК 341.232.7(98)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.387>

Культурное сотрудничество как инструмент формирования региональной идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе до трансформации многостороннего взаимодействия в 2022 г.

Шалтаева Людмила Александровна ^{1✉}, стажёр-исследователь

¹ Институт экономики Карельского научного центра РАН, пр. А. Невского, 50, Петрозаводск, Россия

¹ mila.shaltaeva@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6121-3175>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено рассмотрению роли культурного сотрудничества в развитии идентификационных механизмов в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР) в период до трансформации многостороннего взаимодействия, связанной с прекращением участия России в сотрудничестве в 2022 г. и выходом из Совета Баренцева Евро-Арктического региона в 2023 г. Баренцев регион рассматривается как конструкт, сформированный политическими элитами, существование которого поддерживалось в том числе благодаря реализации политики идентичности посредством культурного взаимодействия участников межрегионального сотрудничества. В ходе исследования выявлено, как именно культурное взаимодействие способствовало становлению региональной идентичности Баренцева региона. В статье анализируется ряд культурных проектов, посредством реализации которых проводилась политика идентичности в БЕАР. Методом качественного контент-анализа культурных инициатив были установлены ключевые символические нарративы, лежащие в основе политики идентичности в БЕАР. Так, выявлены категории, используемые для репрезентации Баренцева региона для внутренней и внешней аудитории. При этом подчёркивается, что формирование региональной идентичности в БЕАР в большей степени являлось сопутствующим результатом многостороннего взаимодействия, нежели официально оформленной стратегической целью участников сотрудничества. Полученные результаты особенно актуальны в условиях последних политических изменений. Проведённое исследование представляет интерес как для дальнейших академических изысканий, так и для практического планирования регионального развития.

Ключевые слова: Баренцев Евро-Арктический регион, БЕАР, идентичность, культурное сотрудничество, контент-анализ, конструктивизм

Cultural Cooperation as a Tool for Shaping Regional Identity in the Barents Euro-Arctic Region Prior to the Transformation of Multilateral Cooperation in 2022

Ludmila A. Shaltaeva ^{1✉}, Research Assistant

¹ Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, pr. A. Nevskogo, 50, Petrozavodsk, Russia

¹ mila.shaltaeva@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6121-3175>

Abstract. This study examines the role of cultural cooperation in the development of identification

* © Шалтаева Л.А., 2026

Для цитирования: Шалтаева Л.А. Культурное сотрудничество как инструмент формирования региональной идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе до трансформации многостороннего взаимодействия в 2022 г. // Арктика и Север. 2026; 64: 387–400. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.387>

For citation: Shaltaeva L.A. Cultural Cooperation as a Tool for Shaping Regional Identity in the Barents Euro-Arctic Region Prior to the Transformation of Multilateral Cooperation in 2022. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 387–400. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.387>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

mechanisms in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR) prior to the transformation of multilateral interaction, associated with Russia's termination of its participation in 2022 and its withdrawal from the Barents Euro-Arctic Council in 2023. The Barents Region is considered a construct formed by political elites, the existence of which was sustained, amongst other things, by the implementation of identity policies through cultural interaction between participants in interregional cooperation. The study reveals how cultural interaction contributed to the formation of the Barents Region's identity. The article analyses a number of cultural projects through which identity politics were implemented in the BEAR. Using qualitative content analysis of cultural initiatives, the study identified the key symbolic narratives underpinning identity politics in the BEAR. These narratives include categories used to represent the Barents Region to both internal and external audiences. It is emphasized that the formation of regional identity in BEAR has been largely a by-product of broader multilateral cooperation, rather than a formally defined strategic objective of the cooperation partners. The findings are particularly relevant in the context of recent political changes. This study is of interest both for further academic research and for practical regional development planning.

Keywords: *Barents Euro-Arctic Region, BEAR, identity, cultural cooperation, content analysis, constructivism*

Введение

Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), учреждённый в 1993 г., охватывал северные приграничные территории Финляндии, Норвегии и Швеции, а также северо-западные регионы Российской Федерации, объединив таким образом в своём составе 14 административно-территориальных единиц указанных государств. Это пространство стало общей платформой для взаимодействия различных народов с самобытными культурными кодами, историческим опытом и ценностными ориентирами. В 1993 г. по инициативе Норвегии для координации сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе были созданы два ключевых института: Совет Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР), отвечающий за межгосударственное взаимодействие, и Баренцев Региональный Совет (БРС), координирующий сотрудничество между регионами¹.

Следует отметить, что одной из ключевых целей, зафиксированных в Киркенесской декларации о сотрудничестве 1993 г., стало обеспечение большей стабильности и снижение уровня напряжённости в Баренцевом регионе, что также подчёркивалось в деятельности СБЕР (Heininen, 2024). В то же время в академическом дискурсе возникло понятие *баренцевой региональной идентичности* (Honneland, 1998). Так, в Баренцевой программе сотрудничества на 2019–2023 гг. создание региональной идентичности отмечалось в качестве одной из целей регионального сотрудничества².

С точки зрения конструктивистского подхода, социальные явления не обладают изначальной объективностью, а формируются и закрепляются в коллективном восприятии и дискурсе, представляя собой результат социальных соглашений и интерпретаций (Carlsneas, Risse, Simmons, 2002). Идентичность подразумевает «чувство принадлежности человека к определённой социальной группе, которое позволяет ему определить своё место в

¹ Barents Euro-Arctic Cooperation. Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region // Barents Euro-Arctic Cooperation. URL: <https://barents-council.org/about-us/cooperation-in-the-barents-euro-arctic-region> (дата обращения: 17.07.2025).

² The Barents Regional Council. The Barents Program 2019–2023. Kirkenes: The Barents Secretariat, 2018. URL: https://barents-council.org/files/Barents-Programme/Barents_program_2019-2023_adopted_24_May_2018.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

социокультурном пространстве и окружающем мире» (Павлова, 2011), и представляет собой феномен, проявляющийся как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, охватывая такие социальные образования, как нации и регионы. Следует отметить, что чувство региональной принадлежности представляет собой один из ключевых ресурсов, обеспечивающих устойчивость и развитие регионального сообщества, так как оно приводит к росту и укреплению лояльности людей к данному сообществу (Hall, 1999).

Следуя теории Кая Циммербауэра, БЕАР рассматривается как проект региональных и национальных элит («a top-down construction»), который, помимо обеспечения целей безопасности, создавался для реализации экономических интересов и бизнес-инициатив участников сотрудничества (Zimmerbauer, 2013). Таким образом, в рамках конструктивистского подхода культурное сотрудничество как форма институционализированного трансграничного взаимодействия способствует конструированию образа региона как единого социального и символического пространства. Через культурные проекты, инициативы в сфере искусства и межкультурного обмена создаётся и транслируется представление о БЕАР как о связанной региональной общности.

Данное представление согласуется с концепцией политики идентичности, которая предполагает активность политических элит, направленную на формирование коллективной идентичности (Цумарова, 2012). Политика идентичности используется как средство для формирования определённых групп и сообществ (Paasi, 2003). В данном исследовании под политикой идентичности понимается формирование дискурса о БЕАР и распространение определённого образа региона, осуществляемые акторами, непосредственно вовлечёнными в региональное сотрудничество, в частности, в рамках культурной кооперации.

Пример успешного формирования общей идентичности в трансграничных районах Баренцева региона представлен в исследовании Анастасии Роговой. Согласно выводам автора, активное трансграничное взаимодействие способствовало трансформации восприятия приграничных территорий Норвегии жителями приграничных территорий России. Так, город Киркенес перестал восприниматься ими как заграничное пространство, приобретая черты общей социокультурной среды (Rogova, 2009).

Однако на текущий момент исследования баренцевой региональной идентичности согласуются с идеей, высказанной Хоннеландом: «Риторика о баренцевой идентичности — не более чем риторика; инструмент в руках властей, с помощью которого они пытаются создать «воображаемое сообщество» между Востоком и Западом на определённой территории» (Honneland, 1998). Таким образом, можно сделать вывод, что Баренцев Евро-Арктический регион изначально представлял собой политико-социальный конструкт, чьё устойчивое существование в значительной степени зависело от признания и поддержки со стороны местного населения, в связи с чем вопросы идентичности имели существенное значение для региона.

При рассмотрении процесса формирования сообщества важно учитывать дихотомию

«мы — они». В соответствии с подходом И. Нойманна, становление коллективной идентичности невозможно без одновременного обозначения «других» — группы, противопоставляемой своему сообществу (Нойманн, 2004). Томас Х. Эриксен различает два уровня групповой идентичности — «мы как субъект» («*we-hood*») и «мы как объект» («*us-hood*»), подчёркивая, что первая категория отражает внутреннее самоощущение сообщества, основанное на сплочённости вокруг общих задач, характеристик и вызовов, в то время как вторая категория формирует восприятие группы, противопоставляя её внешним акторам (Eriksen, 1995). В целях отражения подхода Т. Эриксена в рамках данного исследования используются следующие формулировки ключевых понятий: «*we-hood*» — репрезентация «мы-сообщества» для внутренней аудитории, «*us-hood*» — репрезентация «мы-сообщества» для внешней аудитории.

Культурные практики представляют собой один из самых действенных способов репрезентации сообщества как для его участников, так и для внешних акторов, способствуя таким образом созданию коллективной региональной идентичности. История и культура предлагают «соответствующее отношение к переживаемой реальности», что способствует формированию идентичности (Paasi, 2003). Культурный потенциал также может быть использован для «формирования представления о регионе не только как о политическом образовании, но и как о культурном и экономическом субъекте с уникальной историей и миссией» (Syssner, 2009).

Основным координирующим механизмом в сфере культурного взаимодействия в рамках Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) является Совместная рабочая группа по культуре (СРГК). Её деятельность ориентирована на укрепление культурной самобытности, а также на содействие развитию межкультурного диалога и расширению культурных связей между государствами и регионами, входящими в состав БЕАР³.

С 2003 по 2018 гг. Совместной рабочей группой по культуре были разработаны и приняты четыре программы культурного сотрудничества в БЕАР. В 2019 г. был принят стратегический рамочный документ Creative Barents (2019–2023 гг.), который продолжил линию развития культурного взаимодействия и дополнил общую программу развития региона в этой сфере. Приоритетными задачами сотрудничества в сфере культурного взаимодействия являлись распространение информации о регионе на международной арене, укрепление взаимопонимания и доверительных отношений между участниками партнёрства, интенсификация взаимодействия⁴, а также формирование образа БЕАР как

³ Barents Euro-Arctic Cooperation. Culture // Barents Euro-Arctic Cooperation. URL: <https://barents-council.org/working-groups/culture> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴ New Wind in the Barents Region: The Second Programme of Cultural Cooperation 2008–2010. Barents Euro-Arctic Council, 2008. URL: https://barents-council.org/files/Working-Groups/New_Winds_in_the_Barents_Region_Second_Program_of_Cultural_Cooperation_2008-2010.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

самобытного и уникального региона Северной Европы⁵. Таким образом, культурные практики могут быть рассмотрены в качестве инструмента репрезентации «мы-сообщества» как для внутренней, так и для внешней аудитории.

Обзор кейсов и методология исследования

Методом исследования выбран качественный контент-анализ документов, который позволяет выявить не только явно выраженные, но и скрытые значения, заложенные в текстах (Mayring, 2000). Данный метод особенно эффективен в тех случаях, когда основное внимание уделяется содержанию и контекстуальному значению источников (Hsieh, Shannon, 2005). Контент-анализ предполагает систематическое кодирование текстов, направленное на выявление ключевых идей, понятий и дискурсов, значимых для поставленных исследовательских задач. В данном случае код представляет собой слово или короткую фразу, отражающую важное смысловое содержание в рамках изучаемой тематики (Saldaña, 2013).

В соответствии с концепцией Салданы (Saldaña, 2013), структура анализа строится поэтапно. На основе выделенных кодов осуществляется формирование подкатегорий, категорий и выводов (см. рис. 1). Под подкатегориями понимается дополнительная классификация кодов, позволяющая провести более глубокий и всесторонний анализ исходных данных (Saldaña, 2013).

Анализ текстов включал тщательное изучение всего собранного материала для получения целостного представления об их содержании. Были извлечены ключевые идеи, на основе которых были сгенерированы первые коды. Предполагается, что данные коды отражают основные идеи и «часто берутся непосредственно из текста, а затем становятся исходной схемой кода» (Hsieh, Shannon, 2005). В результате применения метода качественного анализа к собранным данным были выделены две основные категории: репрезентация «мы-сообщества» для внешней аудитории и репрезентация «мы-сообщества» для внутренней аудитории. Каждая из них была дополнена подкатегориями, уточняющими характер идентичностных нарративов.

⁵ Voices in the Barents Region: Cultural Cooperation Programme 2003–2006. Barents Euro-Arctic Council, 2003. URL: https://barents-council.org/document/Voices_in_the_Barents_Region_2003-2006.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

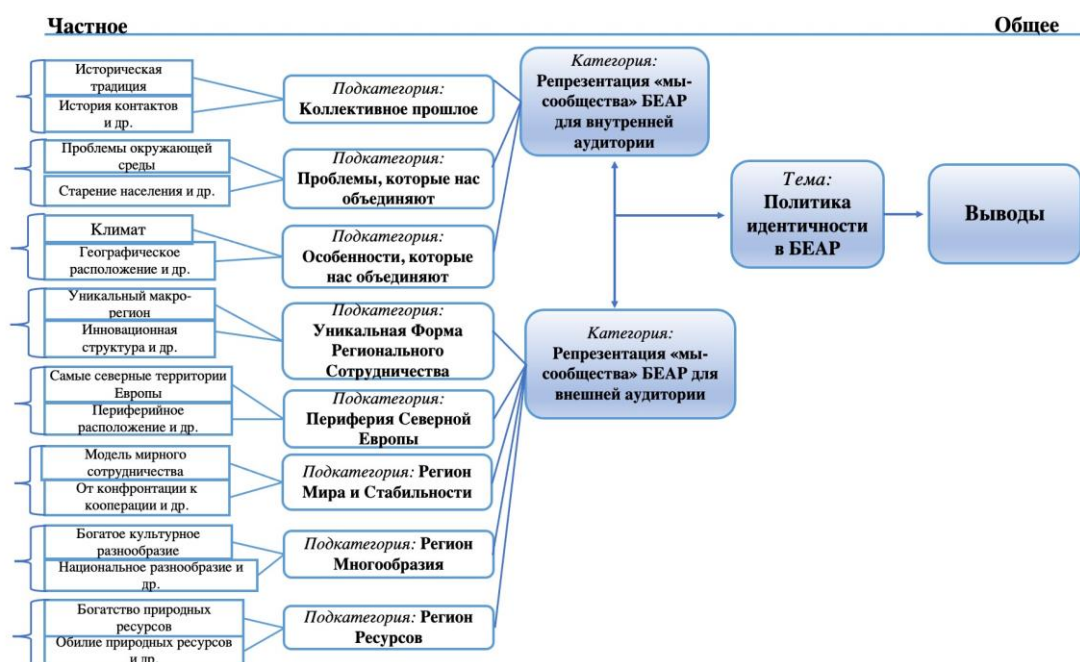

Рис. 1. Качественный анализ политики идентичности в БЕАР.

Таким образом, выбор контент-анализа как метода обусловлен спецификой исследовательского фокуса. Поскольку речь идёт о выявлении и интерпретации смыслов, передаваемых через тексты, практики и культурные формы, контент-анализ позволяет системно выявить ключевые семантические структуры, повторяющиеся мотивы и категории, используемые для описания сообщества и региона. Это делает его наиболее эффективным инструментом для анализа репрезентаций, связанных с идентичностью и символическим включением участников в трансграничное сообщество.

В рамках исследования был проведён анализ трёх практических проектов в сфере культуры, включающих два академических проекта, в числе которых издание книги об истории БЕАР «Баренцев Регион: Транснациональная история Субарктической Северной Европы» («The Barents Region: a Transnational History of Subarctic Northern Europe») и издание «Энциклопедии Баренцева Региона» («Encyclopedia of the Barents Region»), а также культурный проект, не имеющий отношения к академической сфере культурного сотрудничества в БЕАР, — фестиваль «Баренц Спектакль» («Barents Spektakel»).

Выбор кейсов для анализа обусловлен их значимостью в контексте формирования коллективной идентичности в БЕАР. Проект «Баренцев Регион: Транснациональная история Субарктической Северной Европы» акцентирует роль общей исторической памяти как основы для сплочения трансграничного сообщества. Цель подготовки и издания «Энциклопедии Баренцева региона» заключалась в сборе, систематизации и распространении знаний о жизни в северных транснациональных обществах (Olsson, 2016).

Фестиваль «Баренц Спектакль» был направлен на развитие трансграничных связей между жителями региона в сферах культуры, политики и бизнеса (Viken, 2016). Авторами проекта отмечалось, что «идея его развития состояла в том, чтобы строить мосты поверх

границ Баренцева региона с помощью культуры и современного искусства...»⁶. Таким образом, проект также может рассматриваться как релевантный пример в контексте анализа культурного сотрудничества как инструмента конструирования идентичности сообщества БЕАР.

Все три проекта представляют собой совокупность материалов, содержащих как текстовые, так и визуальные и символические формы репрезентации. Благодаря детализированным описаниям содержания, целей и структуры, они предоставляют обширную и многоуровневую основу для анализа, позволяя рассматривать их как значимые примеры культурного взаимодействия в контексте формирования идентичности в Баренцевом регионе.

Проекты охватывали широкий спектр тем, касающихся БЕАР: от исторических и политических нарративов до культурной практики и выражения идентичности через символические формы, что позволяет всесторонне рассмотреть процессы формирования региональной идентичности. Кроме того, проекты включали в себя всех ключевых участников трансграничного сотрудничества. Важно и то, что поддержка проектов осуществлялась при участии структур Совета Баренцева региона (СБЕР), а также национальных и региональных органов власти, что делает их репрезентативными примерами реализации политики идентичности. Так, инициаторами издания книги «Баренцев Регион: Транснациональная история Субарктической Северной Европы» выступили Международный центр имени Улофа Пальме и Административный совет шведского округа Норрботтен (Elenius, 2015). Финансирование проекта «Баренц Спектакль» по настоящее время продолжает осуществляться, в частности, такими институциональными акторами, как Норвежский Баренцев секретариат*, Министерство культуры Норвегии и региональными органами власти Норвегии. Таким образом, на институциональном уровне мы можем наблюдать интерес к формированию определённых идентичностных нарративов и их распространению в публичном пространстве. При этом необходимо отметить, что авторы и инициаторы проектов не заявляли о наличии баренцевой идентичности на момент их реализации (Elenius, 2015).

В то же время стоит отметить, что наблюдения за фестивалем «Баренц Спектакль» в период после 2022 г. позволяют констатировать изменения в риторике и тематическом наполнении данного культурного проекта, которые могут свидетельствовать о трансформации политики идентичности в Баренцевом Евро-Арктическом регионе. В частности, фестиваль 2024 г. под названием «Мягкие щиты» затрагивал вопросы, связанные с военным ландшафтом и гражданской обороной⁷. Вместе с тем, учитывая, что настоящее

⁶ Федоренко М. Люба Кузовникова и «Девушки на мосту». 2010. URL: <http://citycelebrity.ru/citycelebrity/Post.aspx?PostId=3890> (дата обращения: 14.07.2025).

*Норвежская неправительственная организация «Норвежский Баренцев секретариат» (Barentssekretariatet IKS) была внесена в список нежелательных организаций в России 25 февраля 2026 года (по решению Генеральной

исследование сосредоточено на анализе периода до трансформации многостороннего сотрудничества, углублённое рассмотрение данных изменений выходит за рамки данной работы и представляется перспективным направлением для будущих исследований.

Результаты исследования

Репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внутренней аудитории

Согласно Т. Эриксену, формирование образа «мы-сообщества» для внутренней аудитории связано с развитием чувства принадлежности и солидарности между членами группы. Эта сплочённость формируется через совместное участие в определённых практиках, включающих взаимную заботу и ориентацию на общую цель (Eriksen, 1995). В результате проведённого контент-анализа проектов было выявлено, что представление «мы-сообщества» для внутренней аудитории осуществляется через продвижение таких элементов регионального дискурса, как: «*коллективное прошлое*», «*проблемы, которые нас объединяют*» и «*особенности, которые нас объединяют*».

Коллективное прошлое

Наличие исторических связей в регионе действительно служило важным фактом для обоснования официального создания БЕАР в 1993 г. В частности, подчёркивается *историческая традиция трансграничного сотрудничества*. Утверждается, что создание БЕАР стало закономерным и естественным результатом существования исторических контактов в пределах общего географического пространства (Elenius, 2015). В ходе анализа культурных проектов было выявлено, что одна из ключевых идей, лежащих в основе концепции Баренцева региона, заключалась в демонстрации *исторически сложившихся трансграничных взаимодействий* между людьми. Эти взаимодействия основывались на *горизонтальных связях* местного уровня и носили взаимовыгодный характер для всех вовлечённых сторон.

Проблемы, которые нас объединяют

Среди ключевых вызовов, с которыми сталкивается Баренцев Евро-Арктический регион, выделяются *экологические проблемы*, такие как загрязнение окружающей среды и глобальное потепление, *климатические особенности*, включая суровые и экстремальные погодные условия. Также в качестве общей региональной проблемы отмечается *демографическая ситуация*, а именно устойчивое сокращение численности населения и более высокая доля пожилых людей по сравнению с южными и центральными территориями стран БЕАР (Gassen, Heleniak, 2016). В качестве значимого вызова подчёркивается *периферийное расположение* региона, поскольку оно зачастую связано с

прокуратуры РФ. Официально опубликовано/закреплено распоряжением Минюста № 293-р от 06.03.2026). URL: <https://gogov.ru/articles/unwanted-orgs>; <https://tass.ru/politika/26731765>

⁷ Barents Spektakel 2024 / Pikene på Broen. URL: <https://www.pikene.no/barents-spektakel-2024-2/> (дата обращения: 22.07.2025).

ограниченными возможностями для устойчивого развития. В целом можно заключить, что жители региона сталкиваются с аналогичными трудностями и вынуждены решать похожие задачи.

Особенности, которые нас объединяют

В ходе анализа культурных инициатив было выявлено, что к числу объединяющих черт Баренцева региона относятся его географическое положение, климатические условия, особенности рельефа, а также богатые запасы природных ресурсов (Лагутина, 2019). Эти характеристики не только формируют материальную основу жизни в регионе, но и активно используются в культурных нарративах, направленных на создание чувства общности и уникальности территории. Отмечается, что даже в период идеологического противостояния страны региона БЕАР подвергались влиянию схожих процессов, в числе которых — стремительное развитие и модернизация (Elenius, 2015), а также высокий уровень урбанизации. В контексте географической идентификации региона встречаются такие характеристики, как: *северное пространство, удалённость, арктическая зона, периферийность*. Кроме того, БЕАР часто позиционируется как общее жизненное пространство для жителей Севера (Elenius, 2015). Это подчёркивает прочную связь местного населения с северной территориальной идентичностью. Отмечается, что Баренцев регион является исключительной территорией Европы, на которой проживают коренные малочисленные народы (саамы, вепсы, ненцы).

Репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внешней аудитории

Создание регионального образа, основывающегося на характерных особенностях территории, опирается на противопоставление сообщества региона внешним акторам, формируя контраст между «своими» и «чужими», тем самым усиливая чувство принадлежности к определённой социальной группе, что становится ключевым фактором в формировании общей идентичности населения региона. В рамках анализа были выделены главные стратегии представления сообщества БЕАР для внешней аудитории. К ним относятся: форма регионального сотрудничества, географическое положение региона, а также позиционирование БЕАР как региона мира и стабильности, пространства культурного и социального многообразия и территории, обладающей значительными природными ресурсами.

Уникальная форма регионального сотрудничества

В рамках рассмотренных культурных инициатив Баренцев Евро-Арктический регион предстает как пример нового подхода к межрегиональному взаимодействию, оспаривающего устоявшиеся модели формирования национальных и региональных систем. Одним из главных отличий сотрудничества в Баренцевом регионе являлась взаимосвязь между *национальным, региональным и индивидуальным* уровнями сотрудничества. БЕАР

стал одним из первых международных институтов, предоставивших возможность представительства коренным народам региона. Отмечается, что включение негосударственных акторов представляло уникальный пример сотрудничества с точки зрения политической безопасности. Особый акцент делается на том, что создание БЕАР произошло в период интенсивных трансформационных процессов, связанных с глобализацией, что подчёркивает его своеобразие как социально-политического и экономического образования. БЕАР представлялся как современный трансграничный макрорегион с *новой моделью политической организации*, как уникальный проект, *объединивший народы и территории*, которые ранее находились по разные стороны от железного занавеса (Лагутина, 2019).

Периферия Северной Европы

Географические характеристики играли важную роль в формировании образа Баренцева региона, в том числе посредством культурного сотрудничества. В описаниях региона акцентировалось внимание на таких характеристиках, как *«северные территории»*, *«самые северные части четырёх национальных государств»*, *«северное измерение Европы»*. *Периферийное расположение* региона также являлось ключевой отличительной чертой БЕАР, подчёркиваемой в рамках сотрудничества и являющейся важным ресурсом регионального брендинга. Таким образом, регион противопоставлялся территориям, расположенным в центральных и южных частях стран-участниц сотрудничества, а также, в более широком смысле, территориям Европы, находящимся южнее географических границ БЕАР.

Регион мира и стабильности

Баренцев регион также пропагандировался как образец мирного сосуществования и трансграничного сотрудничества. Образ Баренцева региона основывался на идее преодоления исторических конфликтов, показывая, что даже глубоко укоренившиеся различия могут быть превращены в движущую силу совместного развития. В рамках культурных инициатив регион описывался как пространство, успешно превратившееся из зоны геополитической напряжённости в зону регионального партнёрства. Как первый макрорегион, преодолевший разногласия времён холодной войны, он рассматривался как прецедент регионального сотрудничества между ранее враждовавшими государствами. Отмечается, что развитие сотрудничества в Баренцевом регионе на межгосударственном и межрегиональном уровнях стало сигналом о переходе от «жёсткой безопасности» к альтернативным и более гибким подходам в обеспечении безопасности (Rafaelsen, 2013).

Регион культурного и социального многообразия

Одной из ключевых характеристик, активно использовавшихся при формировании образа Баренцева Евро-Арктического региона, стало его социальное и культурное

многообразие. В рамках анализа культурных проектов было выявлено, что в качестве ключевых характеристик региона, имеющих отношение к категории «региональное многообразие», подчёркиваются следующие: *«открытое и динамично развивающееся культурное пространство»*, *«самобытная социально-культурная среда»* и *«активный мультикультурный диалог»*. Так, в «Энциклопедии Баренцева региона» отмечается, что «на протяжении всей истории многонациональное общество Баренцева региона является одной из его наиболее характерных особенностей» (Niemi, 2016).

Регион ресурсов

Одной из наиболее часто упоминаемых характеристик Баренцева региона был его богатый ресурсный потенциал (Westin, Druzhinin, 2016). Богатство природных ресурсов неоднократно подчёркивалось в культурном и политическом дискурсе, что способствовало позиционированию БЕАР в качестве богатой ресурсами периферии, имеющей важное стратегическое значение, а также укрепляло уникальный имидж регионального образования. Таким образом, можно утверждать, что ресурсный потенциал БЕАР служил основой для его противопоставления другим европейским регионам и формирования баренцевой идентичности.

Заключение

Результаты проведённого анализа позволяют заключить, что идея формирования особой баренцевой идентичности находила своё отражение в коммуникационных стратегиях и риторике, сопровождавших региональное взаимодействие в рамках БЕАР. Установлено, что культурные формы сотрудничества играли ключевую роль в конструировании и закреплении идентификационных практик в регионе. Продвижение межрегиональных культурных инициатив способствовало укреплению образа коллективного «мы», формируемого как в целях внутренней консолидации, так и для внешней символической репрезентации региона.

Репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внутренней аудитории строилась на таких ключевых особенностях региона, как коллективное прошлое, схожие проблемы, с которыми сталкиваются его жители, включая экологические вызовы, суровый климат и демографические трудности, а также уникальные региональные характеристики, такие как климат, топография, географическое положение. В свою очередь, репрезентация «мы-сообщества» БЕАР для внешней аудитории основывалась на продвижении дискурса об уникальной форме регионального сотрудничества, особом географическом расположении региона (периферия Северной Европы), эффективном поддержании мирных взаимоотношений между участниками сотрудничества, а также на культурном, социальном и ресурсном разнообразии региона.

В то же время следует признать, что реализация отдельных проектов в сфере культурного сотрудничества не могла оказать существенного влияния на создание регионального сообщества. Процесс формирования региональной идентичности БЕАР был скорее результатом более широкого спектра сотрудничества, чем стратегической целью

взаимодействия в регионе. Это подтверждает утверждение о том, что формирование идентичности, как правило, является «побочным продуктом» усилий, направленных на популяризацию региона (Zimmerbauer, 2018). Формирование устойчивой региональной идентичности БЕАР требовало более систематических, долгосрочных и всесторонних усилий. Учитывая значительную зависимость региона от международно-политического контекста взаимоотношений между странами-участницами сотрудничества, изменения во внешнеполитическом курсе государств-членов БЕАР оказывают непосредственное воздействие не только на общую динамику региональной кооперации, но также на процесс формирования региональной идентичности.

Следует отметить, что после 2022 г. в БЕАР произошли значительные изменения, связанные с прекращением участия России в межрегиональных инициативах и выходом из Совета Баренцева Евро-Арктического региона в 2023 г. Кроме того, Финляндией было также принято решение о выходе из Совета Баренцева Евро-Арктического региона после 2025 г. Эти события сопровождались трансформацией публичной риторики некоторых культурных проектов региона, включая, например, фестиваль «Баренц Спектакль», рассмотренный в данном исследовании. Однако анализ этих изменений выходит за рамки настоящей статьи и может стать предметом отдельного исследования.

На этом фоне результаты исследования дают возможность для анализа и интерпретации эволюционной динамики политики идентичности и сотрудничества в Баренцевом регионе. Подход, используемый для понимания «мы-сообщества», может быть применён в будущих исследованиях, посвящённых изучению других трансграничных регионов, испытывающих политический стресс, а также при переоценке сотрудничества в условиях новых геополитических реалий.

Список источников

- Лагутина Л.А. Культурное сотрудничество как инструмент конструирования идентичности в БЕАР: выпускная квалификационная работа. Петрозаводск. 2019; 88 с.
- Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова. Москва: Новое издательство. 2004; 336 с.
- Павлова О.Д. Идентичность в системе межкультурного взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011; 30 (245): 81–84.
- Цумарова Е.У. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского государственного университета. Политология. 2012; 2: 5–16.
- Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. Handbook of International Relations. London: SAGE, 2013. <https://doi.org/10.4135/9781446247587>
- Eriksen T.H. We and us: Two modes of group identification // Journal of Peace Research. 1995; 32 (4): 427–436. <https://doi.org/10.1177/0022343395032004004>
- Gassen N. S., Heleniak T. The impact of migration on projected population trends in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden: 2015–2080 // Stockholm: Nordregio. 2016; 5: 43 p.
- Hall R.B. National Collective Identity: Social Constructs and International Systems. New York: Columbia University Press. 1999; 397 p.
- Heininen L. New external political structures in Northern cooperation and Northern governance: From quantity to quality // Arctic governance / Ed. by T. Koivurova, T. Joona, R. Shnorro. The Northern

- Institute and Rovaniemi. 2004; 27–42.
- Honneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // *Cooperation and Conflict*. 1998; 33 (3): 277–297. <https://doi.org/10.1177/0010836798033003003>
- Hsieh H.-F., Shannon S.E. Three approaches to qualitative content analysis // *Qualitative Health Research*. 2005; 15 (9). <https://doi.org/10.1177/1049732305276687>
- Mayring P. Qualitative content analysis // *Forum: Qualitative Social Research*. 2000; 1 (2). <https://doi.org/10.17169/fqs-1.2.1089>
- Niemi E. Multiculturalism // *Encyclopedia of the Barents Region*. Vol. II / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 517–520.
- Olsson M.O. Preface // *Encyclopedia of the Barents Region*. Vol. II / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 19–22.
- Paasi A. Region and place: Regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003; 27 (4): 475–485. <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>
- Rafaelsen R. The Barents cooperation: region building and new security challenges // *Strategic Analysis*. 2013; 37 (4): 486–488.
- Rogova A. ‘Chicken is not a bird—Kirkenes is not abroad’: Borders and territories in the perception of the population in a Russian-Norwegian borderland // *Journal of Northern Studies*. 2009; 3 (1): 31–42. <https://doi.org/10.36368/jns.v3i1.592>
- Saldaña J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. London: SAGE. 2013.
- Syssner J. Conceptualizations of Culture and Identity in Regional Policy // *Regional & Federal Studies*. 2009; 19 (3): 437–458. <https://doi.org/10.1080/13597560902957518>
- The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe / Ed. by Elenius L. et al. Oslo: PAX. 2015; 528 p.
- Viken A. Barents Spektakel // *Encyclopedia of the Barents Region*. Vol. II / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 80–83.
- Westin L., Druzhinin P.V. Economic Development // *Encyclopedia of the Barents Region*. Vol. I / Ed. by Olsson M.-O. et al. Oslo: PAX. 2016: 151–158.
- Zimmerbauer K. Supranational identities in planning // *Regional Studies*. 2018; 52 (7): 911–921. <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360481>
- Zimmerbauer K. Unusual regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the making // *Regional Studies*. 2013; 47 (1): 89–103. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236>

References

- Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. *Handbook of International Relations*. London, SAGE; 2013. <https://doi.org/10.4135/9781446247587>
- Elenius L. ed., *The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe*. Oslo, PAX; 2015. 528 p.
- Eriksen T.H. We and Us: Two Modes of Group Identification. *Journal of Peace Research*. 1995; 32 (4): 427–436. <https://doi.org/10.1177/0022343395032004004>
- Gassen N. S., Heleniak T. *The Impact of Migration on Projected Population Trends in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden: 2015–2080*. Stockholm, Nordregio; 2016; 5: 43 p.
- Hall R.B. *National Collective Identity: Social Constructs and International Systems*. New York, Columbia University Press; 1999. 397 p.
- Heininen L. New External Political Structures in Northern Cooperation and Northern Governance: From Quantity to Quality. In: *Arctic Governance*. The Northern Institute and Rovaniemi. 2004: 27–42.
- Honneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region. *Cooperation and Conflict*. 1998; 33(3): 277–297. <https://doi.org/10.1177/0010836798033003003>
- Hsieh H.-F., Shannon S.E. Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*. 2005; 15 (9). <https://doi.org/10.1177/1049732305276687>
- Lagutina L.A. *Cultural Cooperation as a Tool for Constructing Identity in BEAR: Final Qualifying Work*. Petrozavodsk. 2019; 88 p. (In Russ.)
- Mayring P. Qualitative Content Analysis. *Forum: Qualitative Social Research*. 2000; 1 (2). <https://doi.org/10.17169/fqs-1.2.1089>

- Neumann I. *Using the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities*. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ.; 2004; 336 p. (In Russ.)
- Niemi E. Multiculturalism. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II*. Oslo, PAX; 2016: 517–520.
- Olsson M.O. Preface. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II*. Oslo, PAX; 2016: 19–22.
- Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question. *Progress in Human Geography*. 2003; 27 (4): 475–485. <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>
- Pavlova O.D. Identity in the System of Cross-Cultural Interaction. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011; 30 (245): 81–84.
- Rafaelsen R. The Barents Cooperation: Region Building and New Security Challenges. *Strategic Analysis*. 2013; 37 (4): 486–488.
- Rogova A. "Chicken Is Not a Bird—Kirkenes Is Not Abroad": Borders and Territories in the Perception of the Population in a Russian-Norwegian Borderland. *Journal of Northern Studies*. 2009; 3 (1): 31–42. <https://doi.org/10.36368/jns.v3i1.592>
- Saldaña J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. London, SAGE; 2013.
- Syssner J. Conceptualizations of Culture and Identity in Regional Policy. *Regional & Federal Studies*. 2009; 19 (3): 437–458. <https://doi.org/10.1080/13597560902957518>
- Tsumarova E.U. The Politics of Identity: Politics or Policy? *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2012; 2: 5–16.
- Viken A. Barents Spektakel. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. II*. Oslo, PAX; 2016: 80–83.
- Westin L., Druzhinin P.V. Economic Development. In: *Encyclopedia of the Barents Region. Vol. I*. Oslo, PAX; 2016: 151–158.
- Zimmerbauer K. Supranational Identities in Planning. *Regional Studies*. 2018; 52 (7): 911–921. <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360481>
- Zimmerbauer K. Unusual Regionalism in Northern Europe: The Barents Region in the Making. *Regional Studies*. 2013; 47 (1): 89–103. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.644236>

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; принята к публикации 12.08.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов